

ПОНЯТИЕ «ИСТОРИОПИСАНИЕ» В ТРУДАХ М.А. БАРГА И СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Аннотация: Термин «историописание» рассматривается в контексте концепции Барга-Вейнберга и определяется как понятие многозначное. Во-первых, как одно из проявлений истории как формы духовной культуры. Во-вторых, это письменные формы истории, или выраженное средствами языка письменной речи. Историописание является интегральным понятием, включающим и научное знание (совокупность сугубо научных текстов и знаний), и текстов вне-, до- и ненаучного характера, влияющих на генеральные исторические представления разных форм общественного сознания. В-четвертых, историописание – это процесс наделения значением (или, наоборот, отрицания значения) явлений действительности.

Ключевые слова: историописание, история исторического знания, историческое сознание, форма культуры, М.А. Барг.

Об авторе: Марина Станиславовна Бобкова, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра истории исторического знания Института всеобщей истории РАН. Москва, 119334, Ленинский проспект, 32-А. bobkova_marina@list.ru

---

Обращение к осмыслению понятия «историописание» было связано с прагматической необходимостью четко определить исследовательское поле изучения истории исторического знания в парадигмально изменившейся методологической ситуации конца 90-х – начала 2000-х гг. Термин «историография» не вполне соответствовал тем целям и задачам, которые определяли перспективы развития этого направления. Поскольку он несет в себе опасную двусмысленность и может означать или искусство написания истории (традиция, идущая от Луи Николя Бешереля, Иоахима Лелёвеля, Иосифа-Казимира Плебанского), или литературу по истории (немецкая школа XIX в.). Значит, историки, которые изучают эту литературу по истории, занимаются историей историографии (так немцы разрабатывали свою

Geschichte der Historiographie, а итальянцы – свою «*storia dell' storiografia*»). Максимилиан Поль Эмиль Литтрè в словаре французского языка (вторая половина XIX в.) определил термин «историография» как «литературную историю трудов по истории». И начиная с Литтрè во Франции для многих ученых историография – это задворки истории как науки, вспомогательная историческая дисциплина.

Вместе с тем, понятие «историография», бесспорно, является одним из базовых для современной исторической науки, и нечеткость в его употреблении весьма нежелательна. В целом, можно выделить три основных используемых значения этого термина: процесс составления исторического сочинения; литературная история той или иной научной проблемы; история исторического знания.

Сходная ситуация характерна и для французской научной традиции, в которой, согласно удачному определению Б. Гене: «Говоря «средневековая историография», одни сегодня подразумевают труды, написанные историками Средневековья, другие имеют в виду труды, которые современные историки посвящают исследованию Средневековья, а третьи обозначают этим термином труды историков наших дней, посвященные изучению наследия историков Средневековья» [7 с.15].

Проблема усугубляется и тем состоянием собственно исторической науки в настоящее время, которое связано и со смелой познавательных парадигм, и с информатизацией общества, и с процессами диверсификации в сфере гуманитарного знания. «Терминологический хаос», по мнению авторского коллектива Терминологического словаря по теории и методологии исторической науки, вышедшего в 2014 г. под ред. А.О. Чубарьяна, затрудняет профессиональную коммуникацию в исторической науке [8 с. 3-10].

Между тем, проблема формирования и использования терминологического инструментария исторической науки, в основе которого лежит **понятие**, самым тесным образом связана с ее становлением как дисциплины и осмыслением предмета ее

исследований. Специфические свойства понятия, зафиксированного в термине, определяются многими обстоятельствами, в том числе и тем, что оно должно выступать в качестве медиатора в процессе профессионально-научной коммуникации.

В истории исторического знания многие виднейшие ученые уделяли истории понятий, исторической терминологии самое пристальное внимание, поскольку только наличие ясной терминологии, выражающей те или иные сущности, конституирует научную дисциплину, науку. Мы будем недалеко от истины, утверждая, что осмысление языка историка существует столько же сколько и сама историческая дисциплина.

Вопрос об исторических понятиях, об их определении в период с XVI по XIX век постоянно возникает практически во всех сочинениях об истории. Действительно, это период, когда история активно ищет и определяет средства выражения уже накопленных знаний о прошлом. С середины XIX до первой трети XX вв. языком истории были идеи, а с 30-х гг. XX в. начинается их переосмысление и формализация на уровне понятий и категорий. Терминологический аппарат может быть лишь результатом реконструкции идей, преобразованных в понятия. Рубеж XX и XXI вв. очевидно демонстрирует нам единство научного знания, что соответствующим образом влияет и на язык гуманитарной науки, и на формирование взаимоприемлемого общенаучного понимания структуры смысла.

На сегодняшний день историческая наука обладает собственным уровнем теории, т.е. уровнем категориального знания, соответствующим ее познавательным функциям и определяемым коллективным опытом осмысления прошлого. Природа исторического термина проистекает из предмета исследования и подвергается по мере его осмысления динамическим изменениям. В этом состоит одна из особенностей логики развития не только истории, но и всего гуманитарного научного знания.

Здесь необходимо сказать еще об одной сложности, с которой мы сталкиваемся. Понятия, используемые историком, довольно часто выходят за пределы чисто профессиональной дея-

тельности и активно существуют в политическом, социальном, культурном контекстах. А это приводит к слиянию терминологического слова с лексикой общего языка и, в конце концов, к изменению смыслов.

Понятие, используемое для определения (а не интерпретаций) содержания, должно быть точным, адекватным и однозначным (наличие «свободного места» для термина, обозначающего понятие). Многозначность используемых сегодня историками терминов приводит или к непониманию их содержания, путанице (одним и тем же словом-термином обозначаются совершенно разные понятия), или к тому, что в каждом отдельном случае понятие надо определять, но тогда оно перестает быть понятием и его использование теряет всякий смысл.

Рассмотрение понятий и категорий исторической науки было одним из значимых направлений в творчестве М.А. Барга. В конце 60-х гг. XX в. появляются его первые статьи, связанные с осмыслением предмета исторической науки и таких категорий как «всемирно-исторический» и «локально-исторический» (принцип предельности), «историческое время», «целостность», «структура», «процесс», т.е. собственно те категории, которые конкретизируют принцип системности в историческом исследовании, а также «исторический факт», «историческая закономерность». Определенным обобщением работы 70-х гг. по категориальному анализу исторической науки стала монография Михаила Абрамовича «Категории и методы исторической науки» (1984 г.), в которой он выходит на исследование сложнейшей проблемы исторической типологии [2]. В этой книге Михаил Абрамович детально, тонко и аргументированно рассмотрел систему категорий и методов исторической науки, наглядно продемонстрировав ее специфику. В 80-е гг. у него появляются новые статьи, посвященные категориям «субъективное» и «объективное», а также сравнительному анализу понятий «формация» и «цивилизация» [4, 3].

В 1987 г. вышла в свет книга М.А. Барга «Эпохи и идеи. Становление историзма» [5]. Уникальность этого труда в миро-

вой научной практике определяется двумя факторами. Первый из них состоит в особенностях проведенного анализа исторического сознания как единого феномена в рамках географического пространства Западной Европы с V по XVIII вв. Второй фактор свидетельствует о том, что М.А. Барг рассмотрел развитие исторической мысли Античности, Средних веков и Нового времени с позиций философии истории и в контексте культуры этих эпох. В данной монографии была поставлена проблема изучения историзма самого исторического знания и способов, с помощью которых оно формировало и истолковывало содержание истории, – способов идеологических, логических, риторических.

Книга «Эпохи и идеи» была превосходным новаторским трудом для своего времени, причем подходы, которые применял М.А. Барг, отличались такой новизной и неординарностью, что он, по-видимому, всерьез волновался за судьбу издания этого исследования. В качестве рецензентов обычно выступают один-два ученых, книгу М.А. Барга рецензировали трое ведущих историков того времени, имевших бесспорный авторитет и большое влияние в научных кругах – академик АН СССР М.В. Нечкина, член-корр. АН СССР В.Т. Пашуто, доктор исторических наук В.А. Дунаевский.

Многие мысли, высказанные Михаилом Абрамовичем в этой монографии, в 80-е гг. не были до конца поняты и только через 20 лет начали получать достойное развитие. Книга «Эпохи и идеи» – обобщающий труд и, на мой взгляд, она рассматривалась как начало большого исследовательского проекта, основанного на изучении источников по истории исторического знания указанных периодов. В этой книге Барг определил основные приоритеты и направления изучения исторического сознания и шире – исторической культуры – западноевропейского общества.

В этом труде М.А. Барг рассматривал категорию «историческое сознание», обратившись к ее более специальному смыслу, т.е. к ее нормативной и рефлексивной функции по отношению к историографии. «Эта форма сознания с момента возникновения «искусства историописания» предполагает наличие у

историка гносеологической «установки» по исходному для него вопросу: о важном и второстепенном в предмете изучения, об отношении исторической памяти к действительности, в ней отраженной, т. е. в конечном счете о концепции истины» [5 с. 11]. И в связи с этим утверждением Михаил Абрамович определяет смыслы термина «историописание» следующим образом: историописание следует понимать

- как **процесс** восприятия, «дешифровки» и упорядочения опыта прошлого с целью истолкования его в свете опыта настоящего и

- как **метод** реализации подобной программы [5 с.11].

Эти две стороны единого понятия «историописание», по его мнению, попеременно выдвигаются на первый план, оставаясь при этом в тесной связи и взаимообусловленности: развитие метода открывает доступ к новому знанию, и, наоборот, рост позитивных знаний совершенствует методы их получения. Именно поэтому, заключает Михаил Абрамович, история идей наряду с содержательной стороной имеет еще сторону формальную – речь идет о развитии самого мышления, «отражательной способности» этих идей [5 с. 12].

По его мнению, специфика научного знания вообще и исторического знания, в частности, заключается в том, что на всех стадиях своего развития оно в той или иной форме включало рефлексию, т.е. процесс самообоснования – способность «посмотреть на себя со стороны», внутреннюю критику самого процесса получения знания. Под ее контролем чаще всего имплицитно в историописании протекает мысленное воспроизведение исторической действительности. Разумеется, уровень подобной рефлексии и ее эффективность на разных стадиях развития историографии были различными.

В XIX веке, пишет Барг, история получила базу, призванную ввести в процесс историописания в качестве решающего момента аналитический инструментарий – научную норму, чему следовало специально обучаться, и только в силу этого она превращалась в научную дисциплину, когда знание первоисточни-

ков и техники их научного исследования и историописание соединятся в лице ученого-историка [5 с. 16].

Через 9 лет – в 1993 г. – осмысление понятия «историописание» в том же ключе будет продолжено в книге Йоэля Песаховича Вейнберга «Рождение истории: Историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тыс. до н. э.» [6].

Этот ученый создает актуальную и сегодня матрицу исследования исторических текстов, определяя само это понятие: «Это тексты, общим признаком для которых является то, что их основная коммуникативная функция – фиксация, осмысление и оценка событий и явлений прошлого» [6 с. 15]. Главным критерием отбора «текста» для изучения исторической мысли служат его сосредоточенность на информации о прошлом, объем и значение этой информации в данном «тексте». Изучение исторических текстов должно охватывать их форму и содержание, создание, функционирование, их комплексное рассмотрение с учетом особенностей локальных историописаний в диахронно-синхронистической взаимосвязанности.

Принципиально важным, по мнению Вейнберга, и он здесь солидарен с Баргом, является уточнение категориального аппарата истории, его терминологическая ясность и четкость. Он отмечает, что «терминологическая пестрота, вероятно, свидетельствует о нечеткости, неопределенности в понимании самого обозначаемого явления. Поэтому уточнение категориального аппарата, терминологическая ясность являются важными предпосылками не только для определения предмета разговора, но также для того, чтобы разговор состоялся» [6 с.9].

За основу своего понимания историописания Й.П. Вейнберг принимает барговское определение этого термина. «Историописание – это процесс надления значением (или, наоборот, отрицания значения) явлений действительности» [1 с. 57].

В последние пять-десять лет понятие «историописание», характерное для исторической науки разных стран Европы и известное, например, под названиями «historical writing», или «Geschichtsschreibung», стало довольно активно распространяться

в отечественной исторической мысли, причем не только по отношению к доранкенианскому периоду исторического знания. Это не случайно. Культурно-историческая ситуация постмодернизма открыла путь к историческим штудиям разного рода любителям истории, генеалогии и иных общих и специальных исторических дисциплин значительно шире, чем это было ранее.

Вследствие претензий непрофессиональной истории на принципиальный пересмотр историографического наследия с критикой современной научной историографии возникла и непрерывно развивалась обстановка конфликта между этой квазиисторией и исторической наукой, в рамках которой признается не только необходимость теоретико-методологического обновления, но и ценность историографического наследия. В таких условиях более остро, чем прежде, перед научной историографией встал вопрос о смысловом наполнении терминологии, выражающей разные формы исторического познания и репрезентации исторических знаний. Прежде всего, связано это с необходимостью четкого отделения исторической науки в собственном смысле слова от псевдонаучных дискурсов, претендующих, на научность и распространяющих о себе мнение как о настоящей науке, выступающих под знаменем коренной ревизии положений и выводов всей прежней историографической традиции. Это необходимо также для того, чтобы дать представление о существовании множества форм выражения исторической мысли и репрезентации исторических знаний, сложившихся в культуре человечества.

В связи с этим, как представляется, следует исходить из того обстоятельства, что есть основание для признания факта существования некой интегрирующей категории, которая способна объединить разные формы такого выражения и такой репрезентации. Ей может быть, как представляется, признана *история* как таковая. Однако в данном случае смысловое ее наполнение составляет *не историческая наука*, как это принято считать в обыденном сознании нашего научного исторического сообщества, но *история как одна из важных отраслей духовной*

культуры человечества. Что касается исторической науки, то она занимает в этом дискурсе свое место, выделяясь целым рядом характерных признаков. Вместе с тем также следует иметь в виду, что история как форма духовной культуры человечества значительно старше, чем историческая наука, которая стала возникать лишь на определенной стадии развития культуры человечества и исторических знаний, но не раньше нового времени, когда возникает культурно-исторический феномен европейской науки вообще.

В рамках истории как формы духовной культуры человечества свое место занимает *историописание*. Оно составляет лишь одно из проявлений истории как формы духовной культуры, поскольку историческая мысль и историческое сознание вообще может быть выражено и репрезентировано в иных проявлениях культуры. К подобным проявлениям относятся *все неписьменные проявления*, такие, как устная история, выражение истории средствами искусства – через живопись, скульптуру и монументальное искусство и, наконец, через музыкальные жанры. Все неписьменные выражения исторической мысли и исторического сознания обладают весьма большой выразительностью. Они способны оказывать очень даже большое воздействие на эмоциональную сторону личности, к которой они обращены. Они могут воздействовать на конструирование и деконструкцию исторического сознания тех слоев населения, которые не способны воспринимать письменную культуру вообще или воспринимают ее лишь в самой слабой степени, которым не под силу понять смысл даже самого простого письменного исторического дискурса. Они способны втянуть в орбиту исторической культуры эти слои населения, и поэтому несомненна их огромная социокультурная роль в смысле приобщения к культурно-исторической идентичности определенного сообщества. Вместе с тем, совершенно очевидно, что важнейшую роль в выражении исторического сознания и исторической мысли играют *письменные формы истории, или историописание, выраженное средствами языка письменной речи.*

В свою очередь, историописание как понятие, интегрирующее все проявления исторического сознания и исторической мысли в его письменном виде, весьма многозначно. С этим обстоятельством столкнулась современная историография, мировая культура нашего времени вообще. Формами его проявления были, прежде всего, труды историков, а также произведения литературы и публицистики. К историописанию также относились произведения на исторические темы, создававшиеся для разных целей лицами, интересовавшимися историей. Наконец, начиная с Нового времени в понятие историописания включились труды историков, представлявшие собой зарождавшееся научное исследование определенных проблем прошлого человечества и его культуры.

В этом контексте, помимо проблемы научной характеристики историописания как понятия и как феномена культуры, возникла по существу родственная ей проблема научной характеристики *историка* как особой личности и как феномена культуры разных эпох. Это предполагает определение его специфики по отношению как к любителю истории, так и к представителю иного научного знания, уверенного в своих способностях вести научное историческое исследование, но не владеющего ни достаточными основами знания, ни основами методологии истории. Вместе с тем это предполагает установление соотношения между такими понятиями, как «историк» и «историописание». Это необходимо постольку, поскольку на пути понимания адекватного такого соотношения имеются определенные сложности, связанные с учетом особенностей общей и историографической культуры, в которых реализовывалось историописание в виде определенного произведения. Так, для современной культуры невозможна характеристика в качестве историка такого представителя историописания, который незнаком с теорией и методологией истории, с научной характеристикой источника и исторического факта, который лишь относительно знаком с историографией и лишь понаслышке знает историю исторической науки и профессиональные традиции цеха историков. По существу, право именования историком осталось в современной

культуре за профессионалом, создателем научного исторического текста, или за таким пришельцем в профессиональную среду историков со стороны, который овладел основами исследовательской деятельности, охарактеризованной М.Блоком как «Ремесло историка».

Представляется, что четкое определение понятие историописания имеет большое значение для ряда проблем философии и методологии истории. Это такие, как соотношение и различия между разными способами и уровнями исторического знания и его репрезентации, как природа источника и исторического факта, как значение верифицируемого исторического знания, методы его верификации и научная природа такого знания. По-видимому, это также проблема распространения научного исторического знания в обществе с противостоянием историческим мифологемам массового сознания, которые, как правило, поддерживаются историописанием, не относящимся к научному знанию. В этом, как кажется, состоит главная причина популярности подобных образцов историописания на исторические темы в определенной этносоциальной среде. Очевидно вместе с тем, что такое положение существовало не всегда. В каждой конкретной культуре оно находилось в зависимости от общего уровня ее развития и уровня развития в ней представления об историческом знании и его репрезентации.

Историописание получается интегральным понятием, включающим и научное знание (совокупность сугубо научных текстов и знаний), и тексты вне-, до- и ненаучного характера, влияющих на генеральные исторические представления разных форм общественного сознания. Иначе говоря, понятие «историография» уже по содержанию и является составной частью более широкого – «историописание». Объединяющим началом этих двух комплексов является их текстуальный субстрат, нарративное бытование.

Вводя в научный обиход понятие «историописание», мы ограничиваем множественность смыслов термина «историография», проводя наименование новым словом один из этих смыс-

лов. В некоторой степени историописание – слово-маркер, свидетельствующее об определенном состоянии нашей исторической науки и преобладающих ментальных установках в гуманитарном познании.

Литература

1. *Барг М.А.* Историческое сознание как проблема историографии / Вопросы истории. 1982, № 12.
2. *Барг М.А.* Категории и методы исторической науки. М., 1984.
3. *Барг М.А.* Категория «цивилизация» как метод сравнительно-исторического анализа / История СССР. 1990, № 5.
4. *Барг М.А.* О роли человеческой субъективности в истории // История СССР. 1989, № 8.
5. *Барг М.А.* Эпохи и идеи. Становление историзма. М, 1987.
6. *Вейнберг Й.П.* Рождение истории: Историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тыс. до н. э. М., 1993.
7. *Гене Б.* История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002.
8. Теория и методология исторической науки: терминологический словарь / *Чубарьян А.О.* (отв. ред.). М., 2014.
9. Dictionnaire de la langue française par *Émile Littré*. P., 1859-1877.